

Лариса Миллер

ОСТРОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Выпуск 3 серии «Стихи гуськом»

Лариса Миллер

**Островок безопасности. Выпуск
3 серии «Стихи гуськом»**

«Издательские решения»

Миллер Л.

Островок безопасности. Выпуск 3 серии «Стихи гуськом» /
Л. Миллер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851786-0

Третий номер авторской серии «Стихи гуськом». Предыдущие выпуски: «Ridero», «В прямом эфире» — август 2016, «Два ветра, три дождя» — январь 2017. В данном «Выпуске №3» несколько совсем новых стихотворений 2017 г., стихи сентября-декабря 2015 г., стихи 1965—1969 гг., раздел «Памяти Азарика Мессерера», а также «Заметки на полях»: о выставке Резо Габриадзе, о книгах Геннадия Русакова, Татьяны Правдиной-Гердт, Людмилы Штерн и слово прощания с Евгением Евтушенко.

ISBN 978-5-44-851786-0

© Миллер Л.
© Издательские решения

Содержание

I. Несколько новых стихов 2017 г.	7
«Ничто не ново под луной?..»	7
«Кто музыку такую сочинил...»	8
«В сыроватом пространстве сырые кусты ...»	9
«А скоро будет месяц май...»	10
«Я ничего не упустила?..»	11
«Мне муза вовсе не подружка...»	12
«Ах, мелочи, любимые мои...»	13
«Я потому лишь не сникаю...»	14
«День сказал: «Положись на меня...»	15
«А небо дождиком кропит...»	16
«Есть тишина, и мне она внимает...»	17
«И опять перешагнём...»	18
«Идёшь с трудом? Идти далече?..»	19
«А я сверяюсь не с часами...»	20
«Чего-то вечно не хватает...»	21
II. Сентябрь – декабрь 2015 г.	22
«Сияющая молодость, невеста с какого дня...»	22
«Ну что ж, вступи в единоборство...»	23
«Я никак не пойму, то ли время всех ставит на место...»	24
«Поздравляю тебя с наступившей средой...»	25
«И никуда от этой грусти не деться...»	26
«Во имя чего? Да во имя вот этой...»	27
«Перемещаются ТУДА...»	28
«Меня однажды окрылили...»	29
«Давайте, сверясь с расписанием...»	30
«Вот по какому я вопросу...»	31
«Поскольку жизнь такая сложная...»	32
«Собираюсь здесь жить, пока жить не расхочется...»	33
«Как назвать этот путь?..»	34
«Нет, надо было подождать...»	35
«Коль говорят, что неизбежно горе...»	36
«Я особенно смертна, когда просыпаюсь...»	37
«Когда я наконец решусь...»	38
«Возьмём сегодня для примера...»	39
«Сей скоротечной жизни миги ...»	40
«Хочу с тобой поговорить...»	41
«Конечно, жить на свете сложно...»	42
«Я так долго была молодой...»	43
«С волшебным летом кончился роман...»	44
«Терпя безумные издержки...»	45
«Ну а в конце концов мы станем...»	46
«Вот протянуло лето ножки...»	47
«И вдруг навалится, как глыба...»	48
«Гармония есть, но она где-то там...»	49
«Иди, иди, пока идётся...»	50

«Летает в воздухе сыром...»	51
«Нашёлся или заблудился...»	52
«Всё перемелят жернова...»	53
«Нет, нет, не надо сокрушаться...»	54
«Какой, однако, лёгкий слог...»	55
«А счастье боялось меня, как огня...»	56
«Когда я слышу слово «старость...»	57
«Когда узнаете, что где-то...»	58
«Самое время довериться тропам земным...»	59
«Спустили с радужных небес...»	60
«И снова лист живёт в тоске...»	61
«Да нет, не света. Только лета...»	62
«Черно-белая музыка, как...»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Островок безопасности

Выпуск 3 серии «Стихи гуськом»

Лариса Миллер

На обложке фото Александра Кривомазова – из личного архива Ларисы Миллер

© Лариса Миллер, 2017

ISBN 978-5-4485-1786-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Несколько новых стихов 2017 г.

«Ничто не ново под луной?..»

Ничто не ново под луной?
Да как же так? А внучек мой?
А внучек мой? Моя кровинка?
Он что? Он разве не новинка?
Он здесь впервые – мой внучок,
Он в этом мире – новичок.
ЕМУ всё внове, ОН всем внове,
И мир безумно рад обнове.

«Кто музыку такую сочинил...»

Кто музыку такую сочинил,
Тот знает то, чего никто не знает:
Куда уходит день, когда он тает,
Кто этот зимний вечер засинил,
И почему горят через один
Все фонари. И почему на свете
Живут одни лишь маленькие дети —
Те – с чёлочкой, те – в облаке седин.

«В сыроватом пространстве сырые кусты ...»

В сыроватом пространстве сырые кусты —
Безымянного автора чудо-холсты,
Безымянного автора чудо-полотна,
Что стоят, прилегая друг к другу неплотно.
И то тень на полотна, то свет упадёт.
И любой для себя в них хоть что-то найдёт,
Что-нибудь, что его исцелит или ранит,
Душу перевернёт или в душу заглянет.

«А скоро будет месяц май...»

А скоро будет месяц май
И тьма уйдёт и поминай,
И поминай, как морок звали.
Лишь ослепительные дали
Сегодня окружают нас.
Что ни стена, то дивный лаз,
То тайный дивный лаз зияет
В тот мир, где всё поёт, сияет.

«Я ничего не упустила?..»

Я ничего не упустила?
Всех добрым словом угостила?
Всех навестила по пути,
Сказав заветное «лети»?
Я всем сегодня угодила?
Летучей рифмой всех снабдила?
Я всем, как только рассвело,
Успела подарить крыло?

«Мне муза вовсе не подружка...»

Мне муза вовсе не подружка,
А кислородная подушка.
Благодаря лишь ей дышу,
Пишу, страничками шуршу.
Я, засыпая, просыпаясь,
Стихи пишу. Их много, каюсь.
Я б перестала их рожать,
Но как дыханье задержать?

«Ах, мелочи, любимые мои...»

Ах, мелочи, любимые мои.
Ах, жизнь моя, не бойся мелочиться.
Из мига, что сияет и лучится,
Все дни свои весенние крои:
Из мелочей сияющих своих,
Из капель, что летят с ветвей ольховых,
Из блестящих деталей чепуховых,
Из коих я крою сегодня стих.

Ах, жизнь моя, не бойся мелочиться.
Любая мелочь нынче так лучится,
Любой твой миг подобен дождевой
Лучистой капле вешней и живой.
Что счастье есть – готова поручиться.
Оно сегодня скрыто в мелочах —
В капли, в её сбивчивых речах,
В ночах, что всё короче и короче,
И в небесах, чьи радужные клочья
Сегодня отражаются в ручьях.

«Я потому лишь не сникаю...»

Я потому лишь не сникаю,
Что я в лазурь перо макаю,
Небесный цвет всему даря.
И только лишь благодаря
Своей устойчивой привычке,
Творю миры, где любят птички
Крылом махать и щебетать,
Едва-едва начнёт светать.
Вот я перо в лазурь макнула,
И жизнь, как птичка, промелькнула.

«День сказал: «Положись на меня...»

День сказал: «Положись на меня».
Я послушалась и положились,
И, доверясь ему, подружилась
С каждым мигом текущего дня.
На заре поднялась и иду,
С днём не споря, ему не мешая,
По дорожкам его поспешая
Под его озорную дуду.

«А небо дождиком кропит...»

А небо дождиком кропит
Ту жизнь, что на земле кипит.
Кропит её дождём весенним
По будням и по воскресеньям,
Напоминая, что не весь
Мирской сюжет творится здесь,
И есть незнающие тленья
Нездешней участи вкрапления.

«Есть тишина, и мне она внимает...»

Есть тишина, и мне она внимает.
Есть воздух, и меня он обнимает.
Есть небеса. Они мне дарят свет.
О Господи, чего здесь только нет?!
Уменья нет. Дай, Господи, уменье
Ценить всё это каждое мгновенье.

«И опять перешагнём...»

И опять перешагнём,
Как сто раз перешагнули
Через ад, где жгли огнём,
Насылали мор и пули.
Через всё перешагнём —
Через то и через это.
Даже неким чёрным днём
Переступим через света
Нам предсказанный конец
И продолжим куролесить,
И сподобится Творец
В небе солнышко повесить,
Чтобы свет, как прежде тёк,
Чтобы люди, свету внемля,
Не пустились на утёк,
А спасали эту землю.

«Идёшь с трудом? Идти далече?..»

Идёшь с трудом? Идти далече?
Ну что ж. Взвали себе на плечи
Того, кому идти не в мочь,
Как и тебе. Кто день и ночь
Идёт-бредёт, дойти не чает.
Неси его и полегчает.

«А я сверяюсь не с часами...»

А я сверяюсь не с часами,
А с небесами, с небесами
И с голосами певчих птиц.
То где-то тень упала ниц,
То где-то ветка шелохнулась...
А жизнь ушла, потом вернулась,
Дни зажигая и гася
И строчку в клювике неся.

«Чего-то вечно не хватает...»

Чего-то вечно не хватает.
То дня, что быстро пролетает,
То слов, что только родились,
И тут же с воздухом слились,
Не дав мне рассказать про шаткость
Всего на свете, хрупкость, краткость.

II. Сентябрь – декабрь 2015 г.

«Сияющая молодость, невесть с какого дня...»

Сияющая молодость, невесть с какого дня
Меня забыв, обходится прекрасно без меня —
Без моего смятения, без пылкости моей.
Ей нынче кто-то новенький приятней и милей.
И с ним задорным, дерзостным, несущим всякий вздор,
У них такой немыслимо бессвязный разговор
Идёт, что в нём участия не в силах я принять,
И даже если слушаю, то не могу понять.

«Ну что ж, вступи в единоборство...»

Ну что ж, вступи в единоборство
С судьбой и прояви упорство.
Она – туда, а ты – сюда.
Коль скажет: «Нет», скажи ей: «Да».
Коль скажет: «Время жуткой стужи»,
Скажи ей, что бывает хуже.
Коль скажет: «Ужас, полный крах!»,
Скажи: «Держи себя в руках».

«Я никак не пойму, то ли время всех ставит на место...»

Я никак не пойму, то ли время всех ставит на место,
То ль, напротив, сгоняет с родного земного насеста.
То ли хочет оно, чтоб ловили мы миг на лету,
То ль оно нам дано, чтобы помнили мы про тщету.
То ль примером своим учит бегать и нас без одышки,
То ли просто бежит, потому что плохие нервишки,
И пора бы нам всем пожалеть его и приласкать,
Успокоить и впредь никуда от себя не пускать.

«Поздравляю тебя с наступившей средой...»

Поздравляю тебя с наступившей средой,
С листопадом, с блескучей озёрной водой,
С тем, что в час листопада все музы при деле,
Поздравляю тебя с серединой недели,
С тем, что дождик, который слегка моросит,
В эту дивную среду под счастье косит.

«И никуда от этой грусти не деться...»

Памяти Кейса Джискута

И никуда от этой грусти не деться,
И невозможно от нее запереться,
И невозможно её в дом не впустить,
Коль ей захочется придти погостить.
А можно только усадить её рядом
С окном распахнутом и шепчущим садом,
Что ей расскажет в своих тихих речах
О легких крылышках, тенях и лучах,
О гибкой ветке, что под яблоком гнётся,
И грусть послушает и вдруг улыбнётся.

4 сентября 2015 г.

«Во имя чего? Да во имя вот этой...»

Во имя чего? Да во имя вот этой
Небесной лазури, еще не задетой,
Во имя рассвета, вступившего в силу,
Во имя той осени, что попросила
Меня в этом мире еще задержаться,
Чтоб в тихом пруду вместе с ней отражаться.

«Перемещаются ТУДА...»

Перемещаются ТУДА
Те люди, что меня любили.
Уходят из привычной были
В мир, не разъятый на года.
И это значит есть кому
Меня и ТАМ принять, приветить
И на вопросы мне ответить,
Коль, растерявшись, не пойму,
Как обитать на свете ТОМ,
Как ТАМ наладить быт и дом.

«Меня однажды окрылили...»

Меня однажды окрылили
И горизонты мне открыли,
И я теперь – чуть что – лечу.
Сейчас лечу я на свечу.
То бишь, на лист, что сух и ярок:
Когда останется огарок
Свечи, найду другую цель.
Меня устроит даже щель
Меж штор оконных или вспышка
Зари, иль в хворах передышка.

«Давайте, сверясь с расписанием...»

Давайте, сверясь с расписанием,
Займёмся тихим угасанием,
Изучим тонкости его,
Не упуская ничего.
Изучим грани увяданья.
Раз мы частица мирозданья,
В котором есть и то и сё,
То мы должны постигнуть всё.
Мы – часть вселенной, часть природы,
Где не выходит смерть из моды.
И раз пока она в чести,
Поем мы шептать «прости»,
Как шепчут листья, облетая,
Как шепчет день, тихонько тая.

«Вот по какому я вопросу...»

Вот по какому я вопросу:
Как сделать, чтоб не знали сносу
Душа и тело, чтоб не мерк
Мой мир ни в среду, ни в четверг,
Да и в другое время тоже.
Ты можешь так устроить, Боже?

«Поскольку жизнь такая сложная...»

Поскольку жизнь такая сложная,
Унынье – роскошь невозможная. а
Ведь надо как-то выживать,
Прорехи, дыры зашивать,
Ткань жизни смятую разглаживать
И как-то быт земной налаживать,
И делать так по мере сил,
Чтоб он мне радость приносил.
А он упорствует, артачится,
Велит мне: «Плачь», а мне не плачется.
Вернее, плачется, но я
Лазурью обметав края
Канвы, на ткань взгляну опасливо
И вижу: светится. И счастлива.

«Собираюсь здесь жить, пока жить не расхочется...»

Собираюсь здесь жить, пока жить не расхочется.
Собираюсь здесь жить, пока время не кончится,
И пока над макушкою небо висит,
Из которого дождик слегка моросит.
Собираюсь здесь жить и надеюсь при случае
Убедить, урезонить мгновенья летучие,
Чтоб они, продолжая летать и шуршать,
Моим планам не вздумали вдруг помешать.

«Как назвать этот путь?..»

Как назвать этот путь?
Назови его необратимым.
Как назвать этот миг?
Назови его невоплотимым.
Что же делать, скажи,
Что же делать, о Господи, мне
С невозможным таким, тупиковым
безжалостным «не»?
«Но ведь есть еще свет,
свет немеркнувший, необоримый, —
Слышу тихий ответ, —
Небесами моими творимый».

«Нет, надо было подождать...»

Нет, надо было подождать
И не спешить на свет рождаться.
Нет, надо было дня дожждаться,
Когда наступит благодать.
А так приходится самой,
Самой устраивать все это
В краю, где скоротечно лето
И темень жуткая зимой.

«Коль говорят, что неизбежно горе...»

Коль говорят, что неизбежно горе,
Не слушай их и не живи им вторя...
Сам постигай порядок заведённый,
В котором пир сменяет труд подённый.
Сам постигай сей мир непостижимый,
На счастье и беду неразложимый.
И ты поймёшь, постигнув все нюансы,
Что равные у счастья с горем шансы.

«Я особенно смертна, когда просыпаюсь...»

Я особенно смертна, когда просыпаюсь,
Потому что, проснувшись, невольно касаюсь
Нити жизни, которая мелко дрожит,
Так дрожит, будто только что страх пережит,
Страх не знаю чего – одиночества, смерти,
Пустоты ли, тщеты ли земной круговерти,
Темноты, белизны наступившего дня,
Что вот-вот ослепит ярким светом меня.

«Когда я наконец решусь...»

Когда я наконец решусь,
То в гости к счастью попрошусь.
Мне интересно, как живётся
Тому, кто дивно так зовётся,
В каком живёт оно краю,
С кем поделило жизнь свою,
И как смогло оно устроить
Так, что нельзя его расстроить.

«Возьмём сегодня для примера...»

Возьмём сегодня для примера
Меня. Труды мои – химера.
Все дни со страстью, с куражом
Гоняюсь я за миражом.
И тем же занята ночами.
Спроси: «Зачем?», пожму плечами.
Спроси, как время провожу,
Скажу: «Вокруг себя гляжу».
Спроси, каков мой род занятий,
Скажу: «Ищу я для объятий
Объект. И всё, что отыщу,
В свой стих немедленно тащу».

«Сей скоротечной жизни миги ...»

Сей скоротечной жизни миги —
Они должны быть в красной книге.
Нельзя ни комкать их, ни мять,
Их надо, точно дар, принять,
Чтоб те, что в душу к нам влетели,
Покинуть нас не захотели
И больше не рвались вперёд,
Замедлив чудом свой полёт.

«Хочу с тобой поговорить...»

Хочу с тобой поговорить,
Но как назвать тебя — не знаю.
То белым светом называю,
То называю «жизни нить»,
То назову тебя судьбой,
То временем, то небесами,
Где я могу парить часами,
Неся тетраточку с собой.
Во всяком случае, ты то,
Ты тот, ты та, с кем важно крайне
Мне побеседовать о тайне,
Которой не постиг никто.

«Конечно, жить на свете сложно...»

Конечно, жить на свете сложно,
Но лишь таким путём и можно
Увидеть неба синеву. Я потому лишь и живу,
Что в этом мире есть такое,
Что не даёт никак покоя,
Что трудно описать пером.
Вот листья в воздухе сыром
Летают. Им пока летится.
Нам с ними выпало родиться
В одном краю. Я в те же дни
Кружу по свету, что они.
Живут они, как жить привыкли —
Чуть покружились и поникли.
А я который год кружу
И всё ума не приложу —
Как можно покружить и сникнуть,
Упасть на землю и не пикнуть.

«Я так долго была молодой...»

Я так долго была молодой,
Баба старенькой, мама бессмертной.
Жизнь так долго была милосердной,
Окружая воздушной средой
Всё привычное – дом и семью,
Весь рисунок под облаком пенным,
Что казался почти неизменным.
Вдруг взглянула – и не узнаю.
Вдруг хватилась – и нет никого.
Вдруг хватилась – и не досчиталась
Тех, с кем дивно когда-то леталось.
И бессмертных – ну ни одного.
Да и я... Разве та – это я? —
Как поэт вопрошал справедливо.
Что же делать? Наверно, «счастливо»
Пожелать им, всю горечь тая.
Пожелать и ушедшим и той,
Той себе, что жила здесь однажды,
Над ручьём умирая от жажды,
Наслаждаясь земной мастью.

«С волшебным летом кончился роман...»

С волшебным летом кончился роман,
Что очень жаль. Я всячески хотела
Его продолжить, потому что пела
Его душа. А я ведь меломан.
К тому же, и моя душа поёт,
Душа поёт и ждёт, чтоб подпевали
Или по крайней мере «ля» давали
Мне для настройки. Нынче «ля» даёт
Рассвет, хоть и поздней на три часа,
Чем летние цветные небеса.

«Терпя безумные издержки...»

Терпя безумные издержки,
Как можно выжить без поддержки
Непредсказуемых небес
Изменчивых? Как выжить без
Листвы – её орла и решки —
Без этих золотых монет,
Которые, сходя на нет
И собираясь приземлиться,
Всё продолжают золотиться
И посылать прощальный свет?

«Ну а в конце концов мы станем...»

Ну а в конце концов мы станем
Хоть чьим-нибудь воспоминаньем.
Возможность эта есть всегда,
А, значит, мы не без следа
С земли уходим. Как приятно,
Что, хоть нельзя прийти обратно,
Но можно в чьей-то жить душе
Эскизом ли в карандаше,
Туманном и незавершённом,
Излишней чёткости лишённом,
Иль глянцевитым полотном,
Что в стиле выполнен одним,
Иль на картине светлой точкой,
Иль в голове застрявшей строчкой.

«Вот протянуло лето ножки...»

Вот протянуло лето ножки,
Вот лес сменил свои одёжки,
Снял изумрудный свой наряд.
Сегодня в воздухе парят
Лишь те, чьё время на исходе,
Кто на излёте, на свободе
И кто, не скованный ничем,
Не вопрошает: «Как? Зачем?
За что?», в своей имея торбе
Лишь смесь веселости и скорби —
Ту упоительную смесь,
Которой полон воздух весь.

«И вдруг навалится, как глыба...»

И вдруг навалится, как глыба,
Тоска, что мне не по плечу.
И ведь не скажешь ей: «Спасибо,
Спасибо, больше не хочу.
Спасибо, мне уже хватило
Тебя. Не засти, уходи.
Мне очень надо, чтоб светило
Хотя бы что-то впереди».

«Гармония есть, но она где-то там...»

Гармония есть, но она где-то там,
А хаос – он ходит за мной по пятам
И путает карты с великим азартом,
Как неслух шкодливый, что ходит по партам,
Желая сорвать надоевший урок.
И выставить хаос нельзя за порог.
И, чтобы призвать его как-то к порядку
И чуть усмирить, я берусь за тетрадку
И буковки в строгом порядке пишу.
И, ежели хаос и не сокрушу,
То, может, заставлю присесть со мной рядом
И полюбоваться тем складом и ладом,
Который в стихке воцарился одним,
Когда целый мир перевёрнут вверх дном.

«Иди, иди, пока идётся...»

Иди, иди, пока идётся,
И ножками перебирай.
Пока твоя дорожка вьётся,
С тенями лёгкими играй.
Играй с лучами и тенями,
Что на твоём пути лежат.
Играй с огнём, верней, с огнями,
Что на ветру слегка дрожат.
Они слетят, увидишь дверцу
Меж оголившихся ветвей
И примешь близко-близко к сердцу
Летучий миг судьбы своей.

«Летает в воздухе сыром...»

Летает в воздухе сыром
Листочек, набираясь влаги.
А ты води себе пером,
Пером весёлым по бумаге.

Лес, потерявши покрова,
Пустым останется и голым.
А ты печальные слова
Пиши пером своим весёлым.

Перо не может быть иным.
Оно умеет только в раже
Писать про горькие, как дым,
Потери, тяготы, пропажи.

«Нашёлся или заблудился...»

Нашёлся или заблудился
Тот, кто на белый свет родился?
Он воспарил или пропал,
Когда на белый свет попал?
Его сверх меры одарили
Иль обобрали, одурили
И так запудрили мозги,
Что и не видит он ни зги:
При свете, как во тьме крошечной —
Ни зги не видит он, сердешный?

«Всё перемелят жернова...»

Всё перемелят жернова,
Всё перетрут, всё перемелят,
Включая дни, что нынче стелят
Осенних листьев покрова,
Что небывало хороши
И высочайшей ждут оценки,
И чьи тончайшие оттенки
Творил Всевышний от души,
Тем самым намекая нам,
Что мимолётности все эти,
Хоть и рискуют кончить в нетях,
Лишь светлым преданы тонам.
И, если тянет говорить
Про это всё, то лишь словами,
Которые умеют сами
Воспламеняться и парить.

«Нет, нет, не надо сокрушаться...»

Нет, нет, не надо сокрушаться,
Что дни осенние крошатся
На уйму охристых частиц,
На землю падающих ниц
Иль упдающих на спинку.
Нет, надо полюбить картинку,
И даже рвущуюся нить
Необходимо полюбить —
Нить, на которой всё держалось.
И, если даже сердце сжалось,
То ведь печальные сердца
Есть тоже замысел Творца.

«Какой, однако, лёгкий слог...»

Какой, однако, лёгкий слог
У жизни. Речь её струится,
И что-то вечно в ней таится
Такое, что она – манок,
Силок, в который я сама
Всегда готова попадаться,
Чтоб снова с небом повидаться,
Вновь оказаться без ума
От прихотливых виражей
Листвы летящей жарких клёнов,
От разных здешних закидонов,
Причуд, фантазий, миражей.

«А счастье боялось меня, как огня...»

А счастье боялось меня, как огня,
Боялось оно молодую меня.
Оно мне, как звёздочка, всюду мигало,
Но что-то во мне его страшно пугало.
Наверно, пугал мой тогдашний минор,
Унылый мой вид и печальный мой взор.
И вместо того, чтобы сделать мне взбучку,
Оно, огорчённое, скрылось за тучку.
Но я постарела и стала умней,
И стало мне жаль тех безрадостных дней,
И я попросила: «Вернись, если можно»,
И счастье, – сначала весьма осторожно, —
А после смелее ко мне подошло,
И наше свиданье прекрасно прошло.
И с этой поры я души в нём не чаю,
И, коль временами его огорчаю,
То через минуту прощенья прошу
И, чтоб не серчал, в объятьях душу.

«Когда я слышу слово «старость...»

Когда я слышу слово «старость»,
Впадаю в бешеную ярость.
Ну кто придумал эту чушь
Для юных и бессмертных душ?
Ведь души непременно юны,
У них всегда одни кануны,
И сроду не было и нет
У юных душ преклонных лет.
И оскорбительно для слуха
Звучат слова «старик, старуха».
И, объявляя им протест,
На слове «старость» ставя крест,
Ей запрещаю рядом шаркать
И у меня над ухом каркать.

«Когда узнаете, что где-то...»

Когда узнаете, что где-то
Светло все ночи напролёт,
Прошу, скажите мне про это,
Тотчас отправлюсь я в полёт.

Я не умею жить во мраке.
Во мраке просто не дышу.
Как только подаёт мне знаки
Рассветный луч, к нему спешу.

Коль в мире есть такое место,
Где свет сияет круглый год,
Рвану туда, слетев с насеста.
Я света страстный патриот.

Ему служу, когда он светит.
Когда же ночь долга, черна,
И свет родной уходит в нети,
Тем паче я ему верна.

Тогда его я извлекаю
Из недр памяти своей.
Как извлеку его, скликаю
Всех, кто со мной одних кровей.

И все же, коль отыщет кто-то
Сплошные светлые места,
Пусть скажет мне. Ведь так охота
Пожить за пазухой Христа.

«Самое время довериться тропам земным...»

Самое время довериться тропам земным,
Волнам воздушным, капризному ходу событий,
Переплетью осенних желтеющих нитей,
Беглым огням, что легко превращаются в дым.

Самое время довериться лёгкой строке,
Той, что ещё только носится в воздухе где-то,
Чуть добавляя текущим событиям света
И трепеща на веселом шальном ветерке.

«Спустили с радужных небес...»

Спустили с радужных небес
Распоряжение, директиву
Считать, что жизнь — сплошное диво
И что она полна чудес.
И вот, послушная верхам,
Я приступила к исполнению —
Живу в восторге и волнении,
Что ясно видно по стихам.
А ведь в какие-то года
Прямое было указание
Считать, что жизнь есть наказание,
Страдание, каторга, беда.
А, может, небо ни при чём,
И, хоть я небесам внимала,
Но их совсем не понимала,
Была бездарным толмачом.

«И снова лист живёт в тоске...»

И снова лист живёт в тоске,
И снова он на волоске
Висит, и снова с первым встречным
Он рвётся говорить о вечном.
И так он рвётся говорить,
Что рвётся тоненькая нить,
Которая его держала
И за него весь день дрожала.

«Да нет, не света. Только лета...»

Да нет, не света. Только лета
Недавно наступил конец.
Не наложил ещё Творец
На всё решительное вето.
А, значит, Он готов продлить
Сию волшебную волынку
И вешать свежую картинку
На еле видимую нить.

«Черно-белая музыка, как...»

Черно-белая музыка, как
Тебе петь удаётся?
Почему – будь то свет или мрак —
Тебе дивно поётся?
Почему, моя музыка, ты
Так щедра на оттенки
И способна снимать с черноты
Белоснежные пенки?
Почему, зная только одно, —
Клавиш чёрный и белый,
Никогда ты не тянешь на дно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.